

Глава 1

ВЕСТИ ИЗ СТОЛИЦЫ

Шел год Первого Тростника¹. В великом городе Теночтитлане правил благословенный тлатоани² Монтесума Шокойоцин, а империя ацтеков была крупнейшей и сильнейшей во всем Анауак³.

Над озером Тескоко небо еще рдело багряными полосами, когда юная Майоаксочитль, дочь касика⁴ Сочимилько, сидела возле матери и, теребя подол платья, послушно внимала родительским наставлениям. Майя очень любила коротать семейные вечера за рукоделием и беседой. В детстве мать рассказывала ей сказки и легенды, в отрочестве — истории из собственной жизни или жизни предков, а теперь делилась секретами женской мудрости.

¹ Год Первого Тростника — 1519 год (от Рождества Христова).

² Тлатоани (аст. tlàtoāni) — правитель, император.

³ Анауак — в данном контексте территория Центральной Мексики и часть побережья Мексиканского залива.

⁴ Касик (исп. cacique) — первоначально так называли вождей, позднее это слово стали использовать по отношению ко всем индейским правителям.

— Любовь — это цветок, — говорила она, нанизывая на тонкий шнур бусины из жадеита. — Поначалу он может быть колючим, как кактус, но, если поливать его заботой и терпением, он расцветет пышным букетом, подобно долине опунции в сезон дождей.

В комнату, где беседовали женщины, вошла служанка. Она коснулась правой рукой пола в знак почтения и объявила:

— Госпожа Тональнан, госпожа Майоаксочитль, владыка Эхекатль вернулся и готов отужинать.

— Благодарю, Ксоко, — склонила голову мать. — Пойдем, Майя, мы не должны заставлять отца ждать.

Дом касика, вождя Сочимилько, представлял собой просторное жилище, разделенное на несколько помещений: спальни для членов семьи, комнаты для слуг, столовую, кухню, бани и место для святынь. Снаружи к главному входу вела широкая лестница, возле которой стояли воины, охранявшие семью вождя. С другой стороны дома раскинулся небольшой сад, где великолепная белая акация щедро источала сладковатый дурманящий аромат.

В просторном зале вождь Эхекатль уже сидел на циновке в ожидании семейства. Погруженный в раздумья, он смотрел на боевой щит, богато украшенный перьями, и, хмурясь, потирал подбородок. Вошедших женщин заметил не сразу.

— Целую землю перед тобой, отец, — поприветствовала Майя.

Эхекатль рассеянно кивнул, жестом пригласил присесть рядом и разломил маисовую лепешку, тем самым позволяя всем остальным членам семьи присоединиться к ужину.

— Ты угрюм и задумчив, муж мой. Дурные вести из столицы? — заметив тревогу на лице супруга, спросила Тональнан.

— Теули, будь они неладны! — хрипло процедил вождь.

Весть о необычных чужеземцах, что высадились у берегов Табаско, очень быстро разнеслась по всему Анауаку. Пришельцы управляли огромными животными, носили железные одеяния, и ни один ацтекский воин, будь то простой пехотинец или богатый вельможа, не мог защититься от чужеземного оружия.

— Вы уже, конечно, слыхали о бледнолицых теулях, что прибыли из-за моря на огромных деревянных лодках. — Покачив головой, касик сделал глоток пьянящего октли¹. — Наш тлатоани считает, что они сыны Кетцалькоатля² и посланы нам богами за грехи. Я же уверен, что они просто разбойники и не имеют отношения ни к нашим богам, ни к нашим грехам. Их интересует только золото — мягкий, блестящий и абсолютно бесполезный в бою металл.

— Отец, я слышала, их армия совсем невелика. Нас гораздо больше! — по-детски наивно возразила Майя.

— Это так, дочь моя, — снисходительно кивнул вождь, — однако они иначе вооружены, управляют диковинными существами, а их главнокомандующий очень хитер. Он взял под контроль все побережье Табаско и, полагая, пойдет вглубь Анауака. Возможно, кто-то из наших недругов захочет заключить с ним союз.

¹ *Октли*, или пульке, — слабоалкогольный напиток из забродившего сока агавы.

² *Кетцалькоатль* — божество ацтеков, пернатый змей.

Эхекатль славился безупречной репутацией и преданно служил императору, но зачастую имел собственное мнение относительно некоторых политических вопросов, отличное от мнения тлатоани.

— Вы должны отправиться в Теночтитлан, — после небольшой паузы продолжил Эхекатль, — сейчас, в это беспокойное время, вам лучше находиться под защитой императора и его армии.

Пораженные словами касика женщины замерли, не веря своим ушам. Невероятна сама мысль о великой угрозе, нависшей над столь могущественным государством. Вражеские племена не раз нападали на ацтеков, но успехом их предприятия, по счастью, не увенчались. Соседние тлашкальтеки, злейшие враги империи, не возводили величественных храмов-пирамид, не строили городов, не имели такой же мощной армии — на протяжении всей своей истории они пользовались достижениями других народов. И хотя ацтекам так и не удалось заставить их покориться, серьезной угрозы тлашкальцы не представляли.

В то же время подконтрольные Теночтитлану племена исправно платили дань, поставляли рабов для жертвоприношений и отправляли войска по требованию тлатоани во время военных кампаний. И вряд ли кто-то из них осмелился бы взбунтоваться, зная, как страшен гнев ацтекского императора.

— Таково мое решение, — вздохнув, наконец произнес касик. — Теночтитлан хорошо защищен, а наш сын Тепилцин — прекрасный воин. Сам принц Куаутемок отмечал его успехи на поле боя.

— Знаю, ты, как благородный вождь, не оставишь управление городом в эти трудные времена, — То-

нальнан мягко положила руку на плечо мужа, — однако я твоя жена и вверена тебе богами, а значит, должна быть подле тебя даже в такое тревожное время. Но ты, Майя, — обратилась она к дочери, — отправишься к семье нашего старшего сына Тепилцина в столицу. Волею богов он защитит тебя, наш драгоценный Цветок.

Касик посмотрел на жену с недовольством, но возражать не стал. Быть рядом и поддерживать мужа — святая обязанность женщины. Эхекатль не мог позволить своей дорогой Тональнан отказаться от обещаний, данных богам.

— Матушка, мне будет горестно расставаться с вами, — взволнованно запротестовала Майя. — Неужели теули настолько опасны, что укрыться возможно лишь за стенами столицы?

— Я искренне надеюсь, что проклятую скверну удастся побороть еще в зачатке, — угрюмо изрек вождь, — однако грядет война, и лучше, если я позабочусь о своей семье сейчас. Пока ты погостишь в доме брата до Второго Кремня¹. Полагаю, к этому моменту станет ясно, что теули представляют из себя на самом деле.

— До Второго Кремня? — возмутилась дочь. — Целый год?

— Может быть, и дольше. Но я обещаю, как только угроза войны минует нас, ты сможешь вернуться обратно в родной Сочимилько. Не тревожься, у тебя будет время подготовиться и попрощаться. Я отправ-

¹ Год Второго Кремня — 1520 год.

лю в качестве сопровождения своих лучших воинов и обязательно принесу щедрую жертву богине Шочи-кецаль¹, чтобы она оберегала тебя.

Майя растерянно слушала отца. Конечно, рано или поздно ей все равно бы пришлось покинуть отчий дом, но она совсем не ожидала, что это произойдет так внезапно.

— В Теночтитлане у тебя будет шанс найти хорошего жениха, — подбодрила мать. — Возможно, даже из семьи самого тлатоани!

— Да-а-а, наш император богат на сыновей и племянников, — ядовито усмехнулся вождь.

— Но, если я выйду замуж, вернуться в Сочимилько уже едва ли получится, — сказала Майя вслух, а про себя недовольно фыркнула: «Нет уж! У отпрысков тлатоани уже имеется по супруге, а то и не по одной. Оказаться младшей женой во дворце императора — мало чести».

Сердце Майоаксочитль снедала обида: так внезапно отец отправляет ее, не объяснив толком, к чему эта спешка. Теули находились далеко на побережье, легенды о них сомнительны. Быть может, до Сочимилько они никогда и не доберутся, но отец был тверд в своих намерениях. Переубедить его не получится.

Завершив трапезу, девушка поднялась и, пожелав доброй ночи, с тяжелым сердцем удалилась в свои покои.

¹ *Шочицецаль* — ацтекская богиня любви, цветов, плодородия, беременности, домашних дел.

* * *

— Майя, позволишь? — Тональнан бесшумно вошла в комнату дочери. Она села рядом, обняла дочь за плечи и, тепло улыбнувшись, сказала: — Грустишь, мой Цветочек?

Майя понуро кивнула.

— Когда-то давно мне предстояла дальняя дорога, — заговорила Тональнан. — Меня везли сюда, в Сочимилько, к твоему отцу. Ох, и страшно же мне тогда было!

— И что же потом? Смирилась?

— Потом я вышла замуж, — вспоминая, мать нежно поглаживала дочь по руке. — Эхекатль всегда был мне добрым и понимающим супругом. Его любовь согревала меня в минуты нескончаемой тоски по дому.

— Ты скучаешь до сих пор?

— Нет, — мотнула головой она, — не скучаю. Великую радость мне принесли вы. Сначала Тепилцин, а затем ты, Майя. Вы истинные дети Сочимилько. Вместе с вами я словно заново познавала мир, благодаря вам увидела яркие краски своей новой родины. Помнишь, как вы доплывали до огорода господина Чимальи и приносили мне оттуда цветы? Ох, и ворчал он потом!

— Он ворчал, потому что Тепилцин воровал для меня молодые початки маиса, — смахнув слезу, припомнила Майя. — Они были очень тонкие и сладкие. Мы набирали их столько, сколько могли унести, а потом, развалившись под деревом и прячась от солнца, с наслаждением поедали.

— Я хочу, чтобы ты сохранила теплые воспоминания в своем сердце, — поучительным тоном заключила

Тональнан. — И постаралась понять: для нас с отцом ты самая большая драгоценность. Твоя жизнь важнее всех сокровищ Анауака, и наш долг — сберечь тебя.

— Знаю, мама. Иного и не подумаю. — С этими словами дочь крепко прижалась к матери.

* * *

Ранним утром, пока еще сонный морок окутывал город, Майоаксочитль вышла в сад. Она прошла по дорожке, что вела к небольшому причалу, села в маленькое каноэ и отправилась к плавучему острову, где крестьянские дети соорудили себе шалаш в зарослях маиса. Город Сочимилько расположился на одноименном озере и был буквально соткан из множества островков, соединенных каналами и плавучими садами.

Лодка девушки бесшумно скользила по водной глади, сопровождаемая умиротворенным пением птиц и окруженная пестрыми огородами, умело сооруженными на специальных деревянных сваях прямо на воде. Вдалеке меж островков легкой дымкой тянулся сизый туман, скрывая от взора маленькие крестьянские лачуги, а позади оставалось поместье касика, молчаливо смотрящее вслед.

Юной Майе недозволительно было уходить из отчего дома без сопровождения, но в мире, где знаком каждый уголок, невозможно удержаться от соблазна насладиться временем наедине с собой. Добравшись до островка, дочь вождя сошла на берег плавучего сада, в утренней прохладе прошла по тропинке и села под раскидистым деревом возле маленького детского убежища.

«Едва ли у меня получится вот так свободно разгуливать по великому Теночтитлану, — горько усмехнулась Майя про себя. — Боюсь, там мне и шагу не дадут ступить без сопровождения чичиуакатль¹».

Дочь вождя не раз бывала в Теночтитлане и знала этот великий и по-настоящему суровый город. Она пребывала в смешанных чувствах: с одной стороны, мысль о жизни в столице захватывала, казалось, открывались новые горизонты, с другой — уже сейчас Майя чувствовала щемящую боль от тоски по родному краю, словно отрывали частичку ее самой. То же самое она испытывала, когда брат отправился в столицу на службу к тлакатеккатлю² Куаутемоку. Ей казалось, брат всегда будет рядом, их праздные беседы будут длиться бесконечно, а когда придет время, Тепилцина изберут новым касиком Сочимилько. Но его военные заслуги отметил сам принц Куаутемок и призвал на службу в Теночтитлан.

А еще эти теули! Майя не любила разговоры о теулях, что всецело занимали отца последнее время. Она помнила, как однажды в детстве мать рассказывала, будто великий бог Кетцалькоатль, Пернатый Змей, покинул Анауак и пообещал вернуться вместе со своими детьми на огромном корабле со стороны утренней зари. Он должен был принести мир, покой и процветание их великой стране. Ацтеки всегда помнили его обещание, и сейчас шла молва, что пророчество сбывается: бледнолицые сыны Кетцалько-

¹ Чичиуакатль (аст. *chīchihuācatl*) — в данном контексте «няня», «гувернантка».

² Тлакатеккатль (аст. *tlācateccatl*) — военачальник, командир.

атля действительно прибыли в Анауак. Но не все слепо верили древней легенде. Поговаривали, будто алчные чужеземцы оказались невежественны и уж очень охочи до золота. Вероломство теулей было так велико, что едва ли они могли принести кому-либо благо. Как бы то ни было, юной дочери вождя совсем не хотелось менять свой привычный уклад жизни.

Еще некоторое время Майоаксочитль пребывала в меланхолии и вела диалог сама с собой, наблюдая, как медленно на горизонте встает оранжевое солнце, как облачает в золото урожай маиса. Рассвет неминуемо приближался, и, не желая заставлять родителей волноваться, Майя поднялась, снова села в свое маленькое каноэ и отправилась домой.

Глава 2

ТЕПИЛЦИН

Солнце стояло высоко, когда отряд Тепилцина приблизился к дому Эхекатля. Едва узнав о решении отца отправить сестру в столицу, воин прежде всяких дел поспешил к тлакатеккатлю Куаутемоку, чтобы просить разрешения лично сопроводить Майоаксочитль в Теночтитлан.

Куаутемок возражений не имел и лишь шутливо сказал:

— Что ж, если это необходимо, отправляйся за своим прекрасным Цветком, что растет во славу Сочимилько.

Внешне дети Эхекатля разделили черты родителей поровну: старший Тепилцин походил на отца, унаследовав высокий рост, силу и статью, а младшая Майоаксочитль была такой же миниатюрной, как мать, с длинными смоляными косами, миловидными чертами лица и игривыми ямочками на щеках. Сдержанный, но жизнерадостный Тепилцин и любопытная, строптивая, но склонная к меланхолии Майоаксочитль очень друг друга дополняли и в детстве были не разлей вода. Юная Майя даже намеревалась отправиться вместе с братом в кальмекак¹ изучать военное искусство, а узнав, что девочек туда не берут, страшно расстроилась, отказывалась есть и нарочито громко протестовала.

Тепилцин имел звание воина-орла и служил в особом подразделении ацтекской армии. Воины-орлы и воины-ягуары представляли собой ведущий военный класс, который состоял из самых храбрых бойцов благородного происхождения, захвативших наибольшее количество пленных в бою. Из всех воинов Анауака они были самыми опасными: куда сложнее пленить врага, нежели просто убить его на поле боя.

Теперь же храбрый Тепилцин возвращался в знакомые места. Путь к Сочимилько вел через множество каналов озера Тескоко, и путешественникам приходилось обходить плавучие сады — чинампы. Каное скользило по узким каналам среди огородов, где росли желтые початки маиса, гроздья красного жгучего перца, неуклюжие рыжие тыквы, алые тома-

¹ *Кальмекак* — военно-политическая школа для сыновей знати ацтеков.

ты или сочные авокадо. Обилие плавучих островов, созданных руками человека, являлось гордостью местных жителей и одним из самых значимых изобретений ацтеков. Чинампы были щедры к своим создателям и давали несколько урожаев в год.

Сам Сочимилько располагался на одноименном озере, связанном с Тескоко, южнее столицы, а по водной границе соседствовал с городами Кулуакан, Тлалпан и Куитлауак. Приближаясь к родному краю, Тепилцин мечтательно вздохнул. Мысленно он возвращался к местам своего детства. Воин-орел никогда не считал Теночтитлан своим домом, несмотря на то что в столице уже успел обзавестись жилищем и семьей, а его кроткая и нежная супруга Козамалотль и вовсе готовилась подарить ему первенца.

Когда вдали показались белые стены родного дома, сердце Тепилцина забилося чаще. Он почти отвык от тягучей тишины, царившей здесь, от запаха цветущей воды и тины, от улыбок соседей, знавших его с самого детства, от вкуса свежего початка, украденного с огорода господина Чимальи.

Отец и мать ждали у причала. Вождь Эхекатль спустился по ступеням навстречу и, не позволив сыну совершить ритуал целования земли, крепко по-отечески обнял его.

— Какие новости, сын мой? В добром ли здравии твоя супруга Козамалотль? Признаюсь, твой визит — неожиданность для нас.

— Все хорошо, хвала богам, — улыбнулся Тепилцин. — Моя драгоценная жена готовится подарить мне сына, будущего славного воина Теночтитлана.

А я отправился сюда, как только узнал о твоём решении, отец, и с позволения тлакатеккатля решил лично сопроводить Майю в столицу.

— Это мудрое решение, Тепилцин. — Эхекатль по-отечески потрепал сына по плечу. — Никто лучше тебя не защитит нашу славную Майоаксочитль.

В это мгновение дочь вождя, запыхавшись и в чрезвычайном волнении, вбежала в дом, радостная от вести о прибытии воина-орла.

— Тепилцин, братец! Как я рада тебя видеть! — выпалила девушка и без стеснения крепко обняла брата.

— Не торопись, юная *киуапилтцинтли*¹, позволь брату отдохнуть, — с напускной строгостью пожурил ее отец. — Обещаю, завтра мы устроим небольшой праздник. А тебе, Майя, необходимо подготовиться к скорому отплытию в Теночтитлан.

— Да, сестра, — подтвердил Тепилцин, — времени мало. Я вынужден вернуться в столицу как можно скорее. Отправимся через два дня.

* * *

Следующим вечером был разожжен большой костер, городские жители демонстрировали свое *куикатламатистли* — искусство пения — в честь прибытия Тепилцина. Музыка и танцы занимали особое место в жизни ацтеков — каждый правитель в каждом городе содержал ансамбль певцов и танцовщиц и даже выплачивал им установленное жа-

¹ *Киуапилтцинтли* (ацт. *cihuāpiltzintli*) — девушка.

лованье. Считалось, что настоящий музыкант «пел» своим инструментом, но на первый план выступала совсем не красота звучания, а громкость и мощь производимого звука.

Майя очень любила ритмичные звуки уэуэтлей, вертикальных цилиндрических барабанов, в сочетании со звуками духовых инструментов и музыкальных раковин атеколы.

А еще она очень любила танцы!

В тот день Майя едва могла усидеть на месте, дожидаясь выступления танцовщиц, а когда с ритуалами было покончено, сама пустилась в пляс. Юная и гибкая, всю свою тоску от неизвестности, что ждала ее впереди, она воплотила в танце. На ноги она надела браслеты из ракушек, на голову — венец из перьев квезала и топала в такт ритуальным трещоткам, сливаясь с общим ансамблем звуков.

Жар костра опалял ее лицо, румянец играл на щеках. Огонь плясал вместе с ней, переливаясь оранжевым светом, и каждая искра его казалась звездой. В языках пламени она видела отражение собственной души, такой же пылкой и страстной, такой же стремящейся к свету. Майя кружилась, звенела, летела. Звуки уэуэтлей отдавались эхом, смешиваясь с гулом раковин атеколы, движения плавные, словно река, мирно текущая по равнине, сменялись четкими и резкими, похожими на водопад, обрушивающийся с высоты. Танец Майоаксочитль стал исповедью перед богами, мольбой о милости и благословении.

Поздней ночью, когда звуки праздника стихли, а звезды уже ярко освещали величественный теокал-

ли¹, Майя осторожно пробралась в покои Тепилцина. Она помнила, как в детстве они с братом тайком от родителей и слуг болтали и играли всю ночь до утра, а потом и вовсе могли уснуть, свернувшись калачиком рядом друг с другом. Когда девушка вошла, Тепилцин еще не спал. Он вопросительно выгнул бровь и, едва улыбнувшись, спросил:

— Не спится?

— Разрываюсь от нетерпения поболтать с тобой, — лукаво подмигнув, Майя плюхнулась на циновку рядом с братом. — Сначала вы отправились с отцом к жрецам, затем тебя пытала вопросами мать. Ну, что ж, настал и мой черед.

— Я почти забыл, что в отчем доме мне от тебя не спрятаться, — едва слышно рассмеялся воин-орел. — В Теночтитлане, увы, наши праздные беседы станут невозможны.

— Из-за Козамалотль, твоей супруги?

— Не только. В столице мне приходится часто отсутствовать по долгу службы. Когда я вернусь в Теночтитлан, принц Куаутемок отправит меня с отрядом Текуантокатля в Точтепек.

— А зачем Текуантокатлю в Точтепек? — шутливо уточнила сестра.

— Патруль приграничных территорий. Тласкаланцы совсем лишились страха в последнее время. Кроме того, возможно, нам придется отправиться дальше к побережью...

¹ *Теокалли* (аст. *teōcalli*) — храм или культовое сооружение, где ацтеки поклонялись своим богам, совершали жертвоприношения и проводили ритуалы. Представляет собой четырехугольную каменную пирамиду.

— Там же теули? — округлила глаза Майя. — Вы хотите отправиться на разведку к теулям! — добавила она, понимая, что ее догадка верна.

— Это будет ясно, когда прибудем в Точтепек, — пожал плечами Тепилцин. — Дальнейшие планы командующего мне не известны.

— Я слышала, Текуантокать, кхм... сложный человек. — Сестра посмотрела на брата с некоторым сочувствием.

— Мне не доводилось служить у него, — уклончиво ответил он, — однако я тоже слышал, что он строг и нетерпим к ошибкам. С другой стороны, он всегда приводил наибольшее количество пленных. Это ли не показатель мастерства командира и его воинов?

— Ага, а еще замучил с десятков рабынь...

— Это все сплетни, моя дорогая сестра, — нахмурился Тепилцин. — Почему-то никому нет дела до великих побед Текуантокать, но то, что творится в его покоех, смакуют с особой охотой. Не странно ли это?

— Таковы люди. — Майоаксочитль отвела взгляд. — Глупо сомневаться в его военных заслугах, они столь очевидны. А вот узнать таинственные секреты одного из самых влиятельных людей Теночтитлана, будоражающие сознание... или даже додумать самому, чтобы потом обсуждать с соседями — это, пожалуй, самое большое наслаждение.

— Неужели моя славная мудрая сестренка верит всем этим рассказам?

— Ну откуда-то они берутся, стало быть, в них имеется толика правды.

Улыбаясь, брат покачал головой, а Майя, задорно хохотнув, сменила тему:

— А тлатоани ты видел? Какой он?

— Царственный! — отшутился юноша. — А если серьезно, то мне еще не выпадало чести предстать перед императором, но я видел его на важных ритуальных праздниках, статного и величественного. Один вид его вызывает благоговение. Нам повезло с великим и мудрым правителем, видят боги!

— Тепилцин, — таинственно понизив голос, не унималась сестра, — а что ты думаешь о теулях? Действительно они так страшны, как говорит о них отец?

— Не знаю, сестра моя, — шутливый тон резко сменился непроницаемой серьезностью. — Нет причин не верить рассказам о них, но пока я не увижу теулей собственными глазами, я не смогу ответить наверняка. Как бы то ни было, их появление сейчас для нас совершенно не к стати.

— Это точно. Видят боги, они уже внесли смуту в нашу жизнь.

Брат с сестрой еще долго беседовали, пока бесконечные вопросы Майоаксочитль не стали сменяться сонными паузами. Наконец, уже глубокой ночью, вдоволь наговорившись, девушка отправилась в свою комнату, не забыв пожелать Тепилцину добрых снов.

* * *

Ранним утром, когда сборы были завершены, Майя снова прошла по тропе, что вела к причалу. На пристани ее уже ожидали воины, слуги и сопро-